

ПОСЛЕДУЭЛИ

МОГЛИ ЛИ ВРАЧИ СПАСТИ А. С. ПУШКИНА? НА ЭТОТ ВОПРОС ОТВЕТИЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ АКАДЕМИКА Б. ПЕТРОВСКОГО

«...Скором потом явился Арендт. Он с первого взгляда уверился, что нет никакой надежды...» — так писал В. А. Жуковский отцу Пушкина Сергею Львовичу спустя две недели после трагической смерти поэта. Письмо это и сегодня нельзя читать без волнения. Драгоценное свидетельство последних часов и минут великого поэта, оно как бы переносит нас в январские дни 1837 года, когда в небольшом кабинете дома на Мойке, по выражению Жуковского, «погибла крепкая, сильная жизнь, полная гения, светлая надеждами».

Пушкинистам — литературоведам и историкам хорошо известно это письмо. Анализируя каждую его строчку, каждое слово, они узнали многое из того, что помогло лучше представить последние дни и часы поэта. Но вот за анализ этого письма и других дошедших до нашего времени свидетельств людей, окружавших Пушкина перед кончиной, взялся не литератор, а врач — руководитель Всесоюзного центра хирургии Академии медицинских наук СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР академик Б. Петровский. Что же открыли ему эти документы? Прежде всего помогли ли ответить на вопрос, волновавший многих на протяжении почти полутора столетий: могли ли врачи, лечившие Пушкина, спасти его?

Именно об этом шел разговор на состоявшейся недавно во Всесоюзном центре хирургии научной конференции «Ранение на дуэли и смерть А. С.

Пушкина с позиций современной медицины». Наш корреспондент встретился с Борисом Васильевичем Петровским.

— Что заставило вас обратиться к этим исследованиям?

— Еще в середине тридцатых годов, когда отмечалось столетие со дня гибели поэта, в печати появился ряд высказываний, часть которых сводилась к тому, что врачи, и в первую очередь лейб-хирург императора Николая I профессор Арендт, не сделали все для того, чтобы вернуть Пушкина к жизни. И даже якобы являлись участниками «заговора», способствующего его смерти. Подобные утверждения задевали честь отечественной медицины и, естественно, не могли оставить равнодушными многих ее представителей.

Чтобы провести научный анализ, академику Петровскому понадобились годы работы, пристальное изучение многих архивных материалов, поездки в Ленинград и Михайловское, беседы со многими специалистами, в том числе и с правнуком Н. Ф. Арендта — известным советским нейрохирургом А. А. Арендтом, также в свое время изучавшим методы лечения поэта.

— Для того чтобы ответить на основной вопрос, понадобилось изучить немало обстоя-

тельств, способствующих и самой дуэли, и разыгравшимся вслед за ней событиям, — говорит академик Петровский. — Как врач могу сказать, что перед дуэлью поэт находился в состоянии тяжелого эмоционального стресса и это не могло не сказаться на течении болезни после ранения. События последних месяцев, предшествующие дуэли, анонимный пасквиль, слухи и сплетни, пятнавшие имя Пушкина, привели его — человека горячего, «южного» темперамента — в страшно возбужденное состояние. Гнев и негодование достигли своей кульминации ко дню роковой встречи с Дантесом.

— О тяжести ранения говорит изучение данных баллистической экспертизы, — рассказывает Б. Петровский. — Дуэльные пистолеты обладали кучным точным боем, заряжены они были свинцовыми пулями диаметром 1,2 сантиметра и весом 17,63 грамма. На том расстоянии, которое разделяло противников, пуля не расстрчивала своей кинетической энергии и обладала силой достаточной, чтобы убить медведя. Пушкин стоял правым боком вперед, вполоборота к Дантесу. Тот произвел выстрел, не доходя одного шага до барьера и несколько опустив дуло пистолета. Пуля, пройдя

через одежду поэта, вошла в живот. Разрушительная сила ее была огромна, она раздробила многие кости, повредила сосуды. Вслед за ранением возник шок, началось кровотечение, хотя, как известно, у поэта еще хватило сил произвести ответный выстрел.

— События, развернувшиеся сразу после ранения Пушкина, хорошо известны из мемуарной литературы. Но о чем говорят их медицинский анализ?

— Даже с точки зрения современной медицины рана, полученная Александром Сергеевичем, была очень тяжелой, — считает Петровский. — Ее усугубил ряд факторов, вызывающих у нас сегодня недоумение. Так, Пушкину не была оказана первая помощь на месте дуэли, здесь отсутствовал врач, не было элементарных перевязочных средств, специальной кареты для перевозки раненых. Даже домой Пушкин был отправлен в карете своего противника. Тряска дорога до города, очевидно, в значительной мере ухудшила состояние больного, усилила кровотечение.

— Нас не могут не интересовать личности врачей, оказывавших помощь Пушкину, — говорит академик Петровский. — Из истории медицины известно, что все они были высокоопытными специалистами

ми: и Н. Ф. Арендт, получивший образование в Петербургской медико-хирургической академии, участник Отечественной войны 1812 года, доктор медицины, и домашний доктор Пушкиных профессор медико-хирургической академии Иван Трофимович Спасский, и близкий друг поэта Владимир Иванович Даль — опытный военный хирург. По одному разу были у Пушкина и принимали участие в консилиуме известные в то время ученые профессора Буяльский и Саломон, имевшие большой опыт в хирургии огнестрельных ранений.

Александр Сергеевич скончался спустя 46 часов 15 минут после ранения. И практически все это время врачи с помощью доступных им средств вели борьбу за его жизнь. Непросто было восстановить этапы этой борьбы, ведь о ней свидетельствуют только мемуарные записки врачей — Дая, Спасского, Шольца, воспоминания друзей поэта — Жуковского, Данзаса, Тургенева. Никто из врачей даже не вел «скорбного листа» — так называлась в то время официальная история болезни.

— И все же сведения, дошедшие до нас, позволяют сделать некоторые основные выводы, — говорит Петровский. — Мне кажется, что в первые часы была допущена только одна ошибка — Пушкину было

сообщено о тяжести его положения. Вот как пишет об этом Жуковский: «...Задлер уехал за нужными инструментами. Оставшись с Шольцем, Пушкин спросил: «Что вы думаете о моем положении, скажите откровенно? — Не могу от вас скрыть, вы в опасности. — Скажите лучше, умираю. — Считаю долгом не скрывать и того...» Вряд ли правильным было сообщать об этом поэту, усугубляя не только физические, но и нравственные его муки. А страдал Пушкин, особенно в первые часы, невероятно. Боль временами была настолько сильной, что в один из моментов поэт, выпростив у лакея коробку с пистолетом, даже хотел застрелиться, но узнавший об этом Данзас отобрал оружие.

— Какими же средствами лечили врачи поэта?

— Всеми, которые можно было только применить в то время для лечения огнестрельных ранений. Назначали мягчительные припарки, слабительное, компрессы на живот, лавровишневую настойку, применяли пиявки. Для облегчения мук давали и настойку опия. Ведь это было время, когда отечественная и мировая хирургия не знала ни сложных операций, ни антисептики, ни переливания крови. Даже морфий — известное обезболивающее

средство — тогда еще не появилось.

Нам сегодня ясна общая картина состояния Пушкина после ранения. Шок и потеря крови (а она составила около двух литров, но была не смертельной), усугубленные тяжелым нервно-психическим состоянием больного, ослабили сопротивление его организма. А это не могло не отразиться на дальнейшем развитии хода болезни и прежде всего на развитии острого перитонита, послужившего одной из основных причин смерти Александра Сергеевича. Могли бы при таком характере ранения имеющиеся в распоряжении врачей прошлого средства спасти его? На этот вопрос, по-видимому, следует ответить отрицательно.

Надо отметить, что рана Пушкина была настолько тяжелой, что с точки зрения современной медицины, владеющей огромным арсеналом различных средств, вероятность того, что Александра Сергеевича можно было бы спасти сегодня, составляет не более шестидесяти — семидесяти процентов.

...Напрасно сотни людей, собравшихся под окнами дома на Мойке, ждали чуда — поэт погиб. Врачи сделали все возможное, чтобы спасти его, но каким малым в то время было это «возможное». Ах, если бы тогда знали они, что такое рентген, переливание крови, антибиотики, луч лазера... Если бы... Но на века пережила Пушкина его поэзия. И жить она будет вечно.

В. ШВАРЦ.

МОСКВА.